

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Ирина Лукьянова — известный поэт, прозаик и филолог, но я всегда был лишен возможности хвалить ее публично, поскольку двадцать лет мы прожили в браке и воспитали двух детей. Зато все синяки и шишки, которые навлекало родство со мной, сыпались на нее исправно, и защитить ее от этого я никак не мог.

Тем не менее теперь Лукьянова сделала вещь настолько значительную, что никакая моя пристрастность не сможет ее преувеличить: она написала первый внеидеологический курс русской литературы, — курс, в котором прослеживаются не превращения формаций, не смена литературных школ, а то, что Елена Стишова называет самодвижением. Возникновение новых жанров, отмеченные формалистами чередования мейнстримных и маргинальных литературных форм, взаимное обогащение театра и поэзии, взаимные влияния церковной и светской традиций — все рассмотрено в едином потоке времени, в тесной связи с историей, но без того упрямого социального детерминизма, от которого мы столько натерпелись в советские годы. История русской литературы, рассмотренная вне вечного конфликта западников и славянофилов (его искусственность была провидчески описана еще Гоголем в «Выбранных местах»), давно была насущно необходима не только учителю, но прежде всего вдумчивому ученику. Литература есть эволюция — недаром Тынянов постоянно подчеркивал ее динамическую, вечно неустойчивую природу. Учебник Лукьяновой — а эта книга станет популярным и живо обсуждаемым учебным пособием — впервые за многие

годы рассматривает историю русской литературы как целостный процесс, и хотя у нас есть, например, прекрасные учебники Игоря Сухих, Лукьянова впервые отважилась рассмотреть не золотой и серебряный века, а десять веков отечественной словесности. Оказалось, что проблемы, которые волновали ее, за эти десять веков никуда не делись. Поставить рядом с этой книгой, необыкновенно внятной и компактной, можно только трехтомник Александра Янова «Россия и Европа». Но Янов рассматривает именно историю «русской идеи» — Лукьянова же развивает тезис о том, что русская литература и есть наша подлинная национальная идея, и она не нуждается ни в каких искусственно раздуваемых милитаристских культах.

Эта книга вместила огромное количество информации, но любой школьник легко ее усвоит, поскольку изложена она системно, с той единственной точки зрения, которая вообще приемлема для истории литературы: развитие формы, ее усложнение, постепенное умножение функций художественного текста, превращение литературы в единственное подлинное зеркало национальной жизни. При этом Лукьянова рассматривает русскую литературу в общеевропейском контексте, отмечая параллели, отставания, опережения, взаимные влияния и переключки. Рискну сказать, что традиционно пробегаемые и пролистываемые периоды — первые пятьсот лет русского литературного развития — у нее изложены особенно увлекательно, а литературная борьба XVIII века, когда все только закладывается, выписана с подлинным драматургическим мастерством. Я узнаю здесь школу Новосибирского университета, традиционно внимательного к фольклору и житиям, и вспоминаю атмосферу новосибирских научных чтений, куда стремились филологи со всей страны. Глубокая погруженность в религиозную жизнь и атмосферу богословских дискуссий тоже сослужила Лукьяновой отличную службу, как и участие в фольклорных экспедициях, необходимый этап воспитания филолога. В общем, эта книга — результат тридцати лет жизни в литературе, но при этом в ней ощущается тот же детский восторг перед чудом художественного дара, который автор испытал при чтении первых дошкольных книжек. Я прочел эту книгу с самым живым интересом, временами привычно полемизируя с Лукьяновой (как тут не вспомнить любимое — «После длинного ряда таких и подобных столкновений случайно родилось дитя»), но

ни секунды не скучая и постоянно восхищаясь тем, что ничто из главного, действительно существенного, не забыто. Печалит меня одно: что эта книга, возможно, заслонит собственные лужьяновские стихи и прозу, которые я люблю гораздо больше всех ее научных изысканий. Товарищи! Она прекрасно знает чужое, но гораздо лучше пишет свое.

*Дмитрий Быков*¹

¹ «Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Быков Дмитрий Львович, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Школьный курс русской литературы строится обычно по персоналиям: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Толстой, Достоевский... И по произведениям: «Капитанская дочка», «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Мертвые души»... Конечно, сейчас не обязательно ограничиваться школьным курсом литературы: можно слушать лекции, их очень много — но и лучшие лекторы тоже рассказывают или о писателе, или о конкретной книге. Реже — о литературной группировке, литературном обществе, может быть, даже о направлении.

Но даже у любящего русскую литературу читателя чаще всего возникает удивительное представление о ней: сначала было «Слово о полку Игореве», потом несколько веков темноты, когда писали что-то непонятное на языке, который невозможно прочесть. Потом из темноты вынырнул Ломоносов, за ним появился Державин. Державин родил Пушкина, Пушкин — Лермонтова, Лермонтов — Гоголя. Классицизм родил сентиментализм, сентиментализм родил романтизм, романтизм родил реализм...

Но ведь история литературы не прыгает с кочки на кочку, она течет непрерывно. Литература, как живое существо, рождается, взрослеет, живет и умирает. У литературы бывает детство, юность и старость. История литературы — долгая жизнь, полная влюбленностей, разочарований, заблуждений. В ней могут быть периоды взлетов и периоды молчания.

Однако связный курс истории литературы появляется только на филфаке университета. Те, кто не читал университетских учебников, должны сами складывать в голове пазл из множества кусочков.

В этой книге я попробую представить русскую литературу как поток, а не как дорожку с кочки на кочку. Рассказать, как она жила: как родилась, каким было ее детство, как она задумывалась над самыми главными вопросами человеческого бытия и своего собственного существования. Чему и как она училась, о чем спорили писатели, поэты и критики в разные времена, что было главным содержанием разных литературных эпох.

Для кого эта книга? Для старшеклассников, которые хотят понять литературный и исторический контекст тех произведений, которые изучаются в школе, но засыпают над вузовским учебником истории литературы. Для студентов нефилологических специальностей. Для взрослых читателей, которые любят читать, но искренне недоумевают, «существует ли вообще древнерусская литература», «почему эта школьная классика такая мрачная» и «как вообще можно читать тексты восемнадцатого века».

Книга рассчитана на читателя, который одолел основные произведения школьной программы, — того, которому не нужен краткий пересказ «Мертвых душ» или «Жития Петра и Февронии Муромских», которого не нужно знакомить с Тургеневым и Толстым. Я стараюсь не повторять то, о чем говорят на уроках литературы. Пожалуй, не стоит ожидать от этой книги и филологических открытий, радикально смелых концепций. Хотя к самой идее, что у литературы есть детство, зрелость и старость, очень легко придаться — а может быть, и нужно это делать: именно так появляются более удачные концепции.

Итак, жила-была русская литература.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО

В начале было Слово

Слова «древнерусская литература» вызывают у многих сегодняшних школьников и студентов приступы ужаса или зевоты. Кажется, это что-то невероятно тоскливое, непонятное, однообразное. Школа не очень помогает разобраться, и в конце концов у взрослого современного человека складывается впечатление, что вся русская литература началась если не с Пушкина, то с Ломоносова, а до Ломоносова была какая-то летопись, в которой княгиня Ольга жгла древлян, да еще «Слово о полку Игореве». Кто интересуется конспирологией, еще вспомнят о теории поддельности «Слова о полку». А между «Словом о полку» и Ломоносовым — белое пятно, пустота, ноль.

А на самом деле там — цветная, живая, интересная и очень своеобразная литература. Конечно, сегодня мало кто из нефилологов будет читать древнерусские книги, как мы читаем книги сегодняшние или классические романы: уж очень тяжело пробираться сквозь язык, реалии, богословские рассуждения. Но, может быть, стоит хотя бы в них заглянуть? Просто чтобы вместо пустоты на этом месте появилась жизнь.

А чтобы появилась литература, нужна письменность. То, что бытует в устной традиции, — это все-таки фольклор. Часто древнерусской литературой считают «всякие там былины». Но былины принадлежат к устной фольклорной традиции, хотя и складывались в те же Средние века, когда появилась и стала развиваться древнерусская литература.

Есть много околонучных мифов о дохристианской письменности древних славян. Но существующих научных фактов недостаточно, чтобы утверждать, что до появления христианства на Руси в самом деле была своя система письменности. Некоторые люди искренне считают древнейшим письменным памятником дохристианской эпохи языческую «Велесову книгу», которую ее публикатор датировал IX веком, но ученые практически единогласно называют эту книгу грубой фальшивкой.

Письменность пришла на Русь вместе с христианством, после того как князь Владимир крестил ее. У нового христианского народа сразу появилась необходимость в богослужебных и вероучительных книгах. Эти книги существовали на старославянском языке: славянские народы Южной Европы приняли христианство раньше, чем Древняя Русь.

Различия между славянскими языками еще были невелики, и старославянский язык стал общим для всего восточного христианства. К древнерусскому он был так близок, что книги на нем были понятны древнерусским читателям без перевода.

||| **Старославянский язык** — литературный язык, основанный на диалекте южных славян — древних болгар и македонцев. Именно этим диалектом славянского языка владели жители греческой Солуни (это нынешние Салоники) Кирилл и Мефодий, создатели славянского алфавита. Именно на него они перевели с греческого богослужебные книги.

И тем не менее в первые же годы распространения христианства на Руси возникла острая необходимость в переводчиках: Русь приняла христианство от Византии, где говорили и писали по-гречески. Поэтому уже при князе Ярославе Мудром, сыне князя Владимира, в монастырях стали создаваться школы для переводчиков и переписчиков и скриптории — мастерские, где работали переписчики книг.

Первая школа открылась в 1028 году в Новгороде. В нее приняли 300 детей священников и старост.

Переводили не только богослужебные книги, жития святых и поучения Отцов Церкви, но и хроники, естественно-научные трактаты, исторические повести и многое другое. В круг

чтения грамотного древнерусского человека входили в первую очередь переводные книги. Среди них были патерики, апокрифы, исторические хроники (например, «Хроника Георгия Амартола» — история человечества от Сотворения мира до IX века). С удовольствием читали трактаты о том, как устроен мир («Хронограф» Косьмы Индикоплова, «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского); историческую повесть «Александрия», которая изначально описывала жизнь и походы Александра Македонского, но вобрала в себя столько фольклорных элементов, что стала читаться как фантастический роман. Например, в «Александрии» рассказывается о встрече войска Александра с шестирукими людьми и людьми с собачьими головами; о морских раках, которые крали у Александра войска и утаскивали в море коней; да и сам Александр в этом повествовании — сын вовсе не Филиппа Македонского, а египетского царя и волшебника Нектанава.

Патерик — свод жизнеописаний монахов, живших в определенном месте. В патерике рассказывается об искушениях, которым они подвергаются, подвигах веры, которые они совершают, явленных им знамениях и совершенных ими чудесах.

Апокриф — более подробный, чем в канонических библейских книгах, рассказ о каком-то библейском событии или персонаже, не входящий в канон (то есть список книг, которые та или иная религия или конфессия считает священными). Несколько рискованным, но по сути верным будет сравнение апокрифа с сегодняшними фанфиками — историями, которые пишутся тоже на основе какого-то «канона» и часто даже с сохранением его духа. Некоторые апокрифы содержали изложение учений, которые Церковь признала еретическими.

Шестоднев — естественно-научный трактат, где доступные автору научные сведения изложены в привязке к одному из шести дней творения: например, ботанические — в третий день, когда, согласно Книге Бытия, была создана растительность, астрономические — в четвертый день, когда были созданы Луна, Солнце и звезды, а сведения о животных — в шестой день. В «Шестодневе» можно было прочитать не только об обычных животных, но и о двухголовой змее амфисбене, о мравольве, василиске, фениксе и других фантастических существах — в те времена они считались реально существующими.

Мы есть

Первое, что ребенок узнает про себя, первое, что рассказывает другим, — меня зовут Миша, я мальчик, у меня мама Оля и папа Саша, я живу там-то. И первые шаги русской литературы — рассказать про себя, объяснить всему миру: мы — есть. Вот мы, Русь, мы существуем, мы большая христианская страна. Вот где истоки нашего народа, вот кто наши отцы, вот где мы живем. Об этом — самые древние произведения русской литературы.

Кто мы

Повесть временных лет, написанная в начале XII века, начинается с библейской истории о том, как сыновья Ноя после потопа поделили землю: Симу достался восток, Хаму — юг, а Иафету — северо-запад. После Вавилонского столпотворения, рассказывает автор летописи, когда Бог смешал языки и образовались разные народы, от сынов Иафета пошли норичи, они же славяне. Славяне расселились по Дунаю, затем разошлись по земле, осели на берегах восточноевропейских рек и озер, основали города Киев, Новгород, Смоленск. Так автор последовательно отделяет свой народ сначала от других славянских народов — чехов, поляков, сербов, хорватов. Потом выделяет географически близкие славянские племена: поляне, древляне, дреговичи, полочане, славяне. И вот, наконец, это мы — и это наша история: вот что мы слышали от отцов и дедов, вот как все началось: как основали Киев, как князь Олег ходил на Царьград, как крестилась княгиня Ольга, а затем князь Владимир крестил Русь. Вот что мы знаем о недавних временах: о князьях, которые правили Русью после Владимира, о войнах, которые вела Русь, о врагах, от которых защищалась, о храбрых воинах. Заканчивается рассказ на 1115 году — видимо, здесь уже современность, дальше которой автор заглянуть не может.

Наши корни

Подробный рассказ о крещении княгини Ольги и Крещении Руси князем Владимиром содержится в одном из древнейших произведений древнерусской литературы, которое называется

«Память и похвала князю русскому Владимиру». Оно даже старше «Повести временных лет».

«Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона — самый древний из известных нам оригинальных, а не переводных памятников древнерусской литературы. Это речь, которую митрополит Иларион написал и, вероятно, произнес в присутствии князя Ярослава и его второй жены, шведской принцессы Ингигерды (в крещении Ирины), между 1037 и 1051 годами, в храме при большом стечении народа. Ученые расходятся во мнении по поводу того, в каком храме речь была произнесена, — возможно, это был киевский храм Св. Софии.

«Слово» как жанр — образец торжественного красноречия; текст рассчитан на произнесение вслух, и чтение его вслух должно занять не более часа.

С Крещения Руси прошло несколько десятилетий. Русь — совсем молодая христианская страна. Но автор «Слова о Законе и Благодати» — человек образованный, не только хорошо знающий православное учение, но и отлично освоивший лучшие образцы византийской риторики. Он строит свою непростую по содержанию и нелегкую для восприятия на слух, длинную речь так, чтобы помочь слушателям как следует уложить в голове ее логические блоки.

Надо еще сказать, что сама тема, которую митрополит Иларион избрал для своей речи, с тех пор проходит сквозь всю русскую литературу, и, если мы заглянем в Пушкина, Толстого, Достоевского, мы и у них увидим христианскую мысль о торжестве милосердия, прощения, великодушия — одним словом, благодати — над суровой справедливостью закона.

Как же справляется со своей трудной задачей митрополит Иларион? Он строит часть своей речи на противопоставлениях: закон противопоставляется благодати, Ветхий Завет — Новому, рабство — свободе; земное — небесному. И всякий раз показывает слушателям: мы здесь, вот на этой стороне, где свобода, спасение, благодать.

Когда он рассказывает о двоякой, божественной и человеческой, природе Христа, выстраивает предложения так, чтобы слушатели легко восприняли эту двойственность:

«...Как человек, Он питался материнским млеком, — но, как Бог, повелел ангелам с пастырями воспевать: “Слава в вышних Богу”;

как человек, Он был повит пеленами, — но, как Бог, звездой
путеводил волхвов;
как человек, Он возлежал в яслях, — но, как Бог, принял от
волхвов дары и поклонение;
как человек, Он бежал в Египет, — но, как Богу, поклонились
Ему рукотворения египетские...»¹

Те, кто хорошо учился в школе, сразу вспомнят, что этот прием называется синтаксическим параллелизмом. Митрополит Иларион часто им пользуется. Вот, например, как он рассказывает: мы теперь не язычники, а христиане. А значит:

«...И уже не идолопоклонниками зовемся, но христианами,
не без упования еще живущими, но уповающими на жизнь вечную.
И уже не капища сатанинские воздвигаем, но церкви Христовы
созидаем;
уже не друг друга бесам закалаем, но Христос за нас закалаем,
закалаем и раздробляем в Жертву Богу и Отцу.
И уже не как прежде, жертвенную кровь вкушая, погибаем, но,
пречистую Кровь Христову вкушая, спасаемся».

Блок за блоком, словесный кирпичик за кирпичиком, он укладывает в сознание своих слушателей основы православной веры и помогает им укрепиться в понимании: мы — мы теперь здесь, на стороне христианства, благодати, со всеми народами, которые видят свет вечной жизни. Мы тоже христиане, нам есть чем гордиться. У нас теперь свои большие храмы, свои святые, свои монастыри — мы есть! У нас есть князь Владимир, который нас крестил, как апостолы крестили другие земли.

Все народы чтят своих учителей и просветителей — «Восхвалим же и мы — по немощи нашей хотя бы и малыми похвалами — свершившего великие и досточудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука старого Игоря и сына славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах и победы и могущество которых воспоминаются и прославляются и поныне. Ибо правили они не в безвест-

¹ Перевод диакона Андрея Юрченко. Здесь и далее тексты приводятся по электронным публикациям Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Библиотека древнерусской литературы) <http://lib.pushkinskijdom.ru>

ной и захудалой земле, но в земле Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли».

Еще один прием красноречия, которым пользуется митрополит Иларион, чтобы не только логически убеждать слушателей, но и зацепить их, заставить их сердца загореться сочувствием, радостью и гордостью за князя Владимира, — это серия риторических вопросов, которые обращены к покойному князю: «Как разверзлось сердце твое? Как вошел в тебя страх Божий? Как приобщился любви Его? Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою и свою нищетою и наготою, гладом и жаждою склоняющего к смирению сердце твое. Не видел ты, как именем Иисуса Христа бесы изгоняются, болящие исцеляются, немые говорят, жар в холод претворяется, мертвые встают. Не видел всего этого, как же уверовал?»

И в самом деле — как? — удивляются слушатели. Божьим чудом, — уверяет их оратор и взывает к князю: восстань, ты не умер, посмотри из гроба на сына своего, на сноху, на внуков и правнуков, на свой город, на церкви и возблагодари Бога!

И заканчивает свое «Слово» он торжественной кодой — вдохновенной благодарностью Богу.

Наши святые

Если мы новый христианский народ (и народ, который хочет быть самостоятельным, независимым от Византии), значит, у нас должны быть не только свои храмы и монастыри, но и свои святые. Но для того чтобы канонизировать святого, должно быть составлено его житие. А значит, появляются первые жития: «Житие Бориса и Глеба» — князей, убитых по наущению их брата, Святополка, «Житие Феодосия Печерского», одного из основателей Киево-Печерской лавры. Св. страстотерпцы Борис и Глеб — первые канонизированные и признанные Византией русские святые; преподобный Феодосий Печерский был канонизирован следующим, даже раньше, чем его учитель, преподобный Антоний Печерский.

||| Житие — особый жанр церковной литературы, в котором рассказывается история жизни праведника, подвижника, мученика, святого. Это жизнеописание всегда составлялось после смерти человека и содержало сведения о его подвигах веры, чудесах, знамениях.

Постепенно житий становилось все больше, и их стали объединять в своды, которые назывались «Четви-Минеи» (то есть «ежемесячное чтение»): жития расположены там по дням, когда церковь отмечает память святых, а дни идут в календарном порядке).

В древнерусской литературе авторов житий обычно интересуют не индивидуальные качества их героев, а воплощенная в них святость. Первые русские жития еще сохраняют индивидуальность героев: мы видим кротость и эмоциональность князя Бориса, суровость и строгость преподобного Авраамия Смоленского... Но постепенно общие качества берут верх над индивидуальностью, и уж если святой свят, то он, по словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, «свят до полной абстрактности» — он не земной человек со своим характером, а воплощенная святость. Воин — само мужество, древнерусская литература обязательно заметит, что воин даже ран не чувствует в пылу сражения. Князь, если уж он благоверный, правит мудро, защищает вдов и сирот, поступает по совести, строит храмы, не обижает бедных, а в трудной ситуации полагается на Господню волю. Если его канонизируют и прославляют, то за это, а не за внешнеполитические успехи, например.

Это еще одно важное качество древнерусской литературы: в ней еще нет индивидуального начала. Она еще не открыла характера, личности. Герой изображается так, как предписывается литературным этикетом: существуют специальные правила и даже специальные языковые формулы для изображения святого, князя, княгини, врагов. Герои получают условными, воплощающими или добродетель, или порок. И это нормально для детства литературы, а Средневековье для большинства европейских литератур — это именно детство.

В книжках для маленьких детей добро есть добро, а зло есть зло, они однозначны и понятны. Так и в средневековой литературе: человек сам выбирает, по добру или по злу поступать, поэтому праведник добр, а грешник зол, но еще может раскаяться. Позднее грешникам даже приписывали дополнительные грехи (например, позднейшие вставки в «Повесть временных лет» подчеркивали, что князь Владимир, креститель Руси, был исключительно женолюбив — совершенно как библейский царь Соломон, — чтобы еще заметнее был контраст с новым Владимиром, в крещении Василием, который стал свободен от прежних грехов и возлюбил добродетель).